

— Скорее, скорее уводите госпожу!

Когда-то блиставшее величием поместье генерала в эту ночь окрасилось кровью. Мужчина средних лет, несмотря на то что был весь в крови, стоял непоколебимо. В его взгляде читались решимость и твердость, словно он был последним стражем, не желающим выпускать из рук даже призрачную надежду.

— Генерал, что же происходит? — голос кормилицы дрожал от ужаса и непонимания, лицо её побледнело, а в глазах блеснули слезы.

Генерал тяжело вздохнул, и в его голосе послышалась безмерная скорбь:

— Император вознамерился истребить наш клан Чжао до последнего человека, сердце его воистину жестоко. Это моя вина, мне следовало послушать Юньэр раньше, — он не ожидал, что в конечном итоге не сможет увернуться от насмешки судьбы, а главное — будет предан собственным старым другом.

В этот момент снаружи послышался холодный голос:

— Сдавайся, император восстановит справедливость. Твое сопротивление приведет лишь к тому, что твои близкие погибнут вместе с тобой.

Говорившим был нынешний государственный наставник Е Юй. На его лице не дрогнул ни один мускул, он казался ледяным изваянием.

Услышав это, генерал поспешил приказать своим людям уходить. Вдруг он расхохотался, и в этом смехе сквозили сарказм и бессилие:

— Восстановит справедливость? Когда мое имя втоптанно в грязь, а на меня навесили столь тяжкие обвинения, где же эта хваленая справедливость? Я лишь ненавижу себя за то, что не сумел разглядеть людей и доверился не тому.

В этот смертный час генерала больше всего волновала судьба его семьи. Он должен был тянуть время, выигрывая для них шанс на жизнь. Стражник поспешно обратился к стоявшей рядом кормилице и слугам:

— Быстрее, уводите госпожу! Мы должны обеспечить её безопасность, род генерала не может прерваться!

Кормилица и несколько верных слуг немедленно привели план в исполнение. Они подхватили жену генерала и поспешно скрылись через тайный подземный ход. Однако положение было тяжелым: жена генерала была на сносях, и трудности с передвижением делали весь путь к спасению полным опасностей и непредсказуемых поворотов.

Грохот... Взрывы... Огненное зарево окрасило темное небо в багровый цвет. Пожар был настолько пугающим, что даже те, кто любил поглазеть на чужие беды, в этот раз не осмелились выйти из домов.

— Наставник, один человек сбежал! — доложил подбежавший солдат.

Сердце наставника сжалось, лицо помрачнело. План императора был хитроумным: он не только устранил генерала, чьи заслуги стали угрожать трону, но и заставил его, наставника, исполнить эту грязную работу, чтобы в будущем именно на него легло клеймо позора.

— Преследовать! Он не должен уйти! — стиснув зубы, отдал приказ наставник.

— Слушаюсь, наставник! — стражники бросились в погоню.

— Эх... — проводив их взглядом, наставник тяжело вздохнул.

Тем временем в другом месте у госпожи начались преждевременные роды. Её лицо стало белым как бумага, одежда промокла от пота, она стонала от нестерпимой боли.

— Госпожа, тужьтесь, же, скорее! — в отчаянии кричала кормилица, не скрывая тревоги.

Оказалось, что во время бегства у госпожи отошли воды, и ситуация стала критической. Им ничего не оставалось, как укрыться в полуразрушенном храме в надежде, что здесь удастся благополучно разрешиться от бремени.

— А-а... А-а... — госпожа стиснула зубы, из последних сил издавая мучительные крики.

Атмосфера была напряженной и давящей, каждый присутствующий был охвачен тревогой. Раздирающие душу крики женщины эхом разносились по всему заброшенному храму. Снаружи внезапно разразился ливень, словно само небо сочувствовало несчастной, пытаясь скрыть её страдания и беспомощность.

Кормилица сложила руки в молитве:

— Небеса, умоляю, спасите мою госпожу, сохраните хоть искру жизни для нашего поместья!

Вдруг кормилица в ужасе вскрикнула:

— О нет, это...

Положение женщины стало смертельно опасным: ребенок шел неправильно, головкой вверх —

это было дурным предзнаменованием.

— Госпожа, держитесь, умоляю, не сдавайтесь! — слезы катились по лицу кормилицы, но она изо всех сил старалась не рыдать.

— Кормилица, мой ребенок... он не сможет родиться? — слабо спросила женщина.

— Госпожа, он родится, обязательно родится! — утешала её кормилица, продолжая беззвучно молиться.

Однако боль не утихала, и женщина снова закричала в агонии.

— Кормилица, сделайте разрез... достаньте ребенка... — прошептала она из последних сил.

— Разрез! — кормилица задрожала всем телом, и слезы, которые она так долго сдерживала, хлынули потоком. — Сяо Саньцзы, Сяо Саньцзы!

Она вытерла лицо и в отчаянии позвала слугу.

— Кормилица, что случилось? Госпожа уже родила? — вбежал запыхавшийся Сяо Саньцзы.

— Сяо Саньцзы, роды идут тяжело, боюсь, мы потеряем обоих, — всхлипывая, ответила кормилица.

— Что? И что же делать? — Сяо Саньцзы от страха осел на пол, его лицо стало мертвенно-бледным.

— Воля госпожи — сделать разрез и достать ребенка, — сквозь слезы сказала кормилица.

— Что... какой еще разрез... — Сяо Саньцзы вытаращил глаза, не веря услышанному.

— А-а... А-а... — женщина снова не выдержала боли.

— Разрез, разрез... — беззвучно шептали её губы.

— Ох... — Сяо Саньцзы пришел в себя, но не решался ответить.

— Сяо Саньцзы, сделай так, как просит госпожа, — видя его колебания, кормилица приняла решение.

Сяо Саньцзы подавил страх и скорбь, понимая, что иного пути нет. Он достал из-за пояса острый кинжал, прокалил его над огнем и, дрожащими руками, поднес к животу госпожи. Женщина стиснула зубы, терпя невыносимую боль. Кровь потекла по лезвию, окрашивая землю.

Наконец, в храме раздался детский плач. Госпожа уже давно была бледна, её сознание угасало.

— Родила! Родила! Это девочка, госпожа! — кормилица была вне себя от счастья.

— Дайте мне взглянуть... — прошептала госпожа, едва ворочая языком. — Цзыцинъ...

Плач ребенка на мгновение вернул ей силы, но это был лишь предсмертный всполох. Дождь продолжал лить. Госпожа смотрела на ребенка в своих руках и улыбалась с облегчением. Она нежно погладила девочку по щеке, её рука постепенно ослабла, и она закрыла глаза.

В это же время преследователи наставника подобрались совсем близко.

— Наставник, они в том старом храме, — доложил солдат.

— В храме? Столько времени прошло, а они всё еще там? — с долей сомнения и властно переспросил наставник.

— Наставник, это... — солдат замялся, не зная, как продолжить.

— Выдвигаемся! Никто не должен уйти, император всё еще ждет!

— Слушаюсь, наставник.

<http://bllate.org/book/21466/2195996>